

The background of the cover is a detailed illustration of a rugged, mountainous landscape. In the foreground, five figures in medieval-style armor and cloaks are seen from behind, walking along a rocky path that leads towards a massive, towering rock formation. The formation has a jagged, almost vertical face with a small, dark opening near the top. To the right, a turbulent sea with white-capped waves crashes against the base of the rocks. The sky is filled with soft, white clouds, and several birds are visible in flight. The overall tone is epic and adventurous.

ПОВЕСТЬ СЕМИ ВЕЛИКАНОВ. Жизнь камня

Максим Вырещиков

Максим Вырещиков

ПОВЕСТЬ СЕМИ

ВЕЛИКАНОВ. Жизнь камня

<https://litres.ru/74188857>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семеро каменных великанов были созданы по образу и подобию творца — могучие, вечные, неподвластные ни стали, ни огню. Они должны были стать хребтом дикого континента Валингтор. Но когда на берег ступили смертные Факары с благословением богов, один удар Меча Судьбы расколол гранитную плоть первого из великанов.

Убийство бога творца великанов в дуэли с другим богом развязало руки остальным. Пантеон рухнул: боги света, бури и бездны вцепились друг другу в глотки за остатки бывшего могущества, оставив свои творения на произвол судьбы.

Теперь шестеро выживших великанов стоят на руинах собственного дома. Их отец бог мертв, их мертвый брат замурован в стену человеческой крепости, а под корой планеты ворочается нечто древнее, чья пробужденная ярость способна пожрать само время. Чтобы выжить среди людей, которые научились убивать бессмертных, им придется отказаться от своей

природы. А где-то в руках бога оракула уже пульсирует Камень Судеб, готовый переписать прошлое...

Содержание

Глава 1. Сотворение	5
Глава 2. Шёпот в бездне	18
Глава 3. Каменные корни	26
Глава 4. Дыхание матери	38
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Максим Вырещиков

ПОВЕСТЬ СЕМИ ВЕЛИКАНОВ.

Жизнь камня

Глава 1. Сотворение

Это происходило за двадцать тысяч лет до того, как первый король возложил на себя корону объединённого Валингтора. В ту древнюю эпоху Валингтор был дик, первобытен и чужд всему, что позже назовут «цивилизацией». Его земли населяли лишь кочующие племена полуразумных существ, а в тёмных чащобах и на вершинах неприступных гор таились создания, чьи имена давно стёрлись из памяти мира.

Но на соседнем континенте, на Галтипии, всё было иначе. Здесь, у подножия великих гор, раскинулся 'Бранкас'— Город Богов. Он не парил в облаках, а стоял на твёрдой земле, и его сияющие шпили из белого мрамора и золота пронзали само небо. По его широким улицам ходили люди — их предки служили богам с начала времён. Они были ремесленниками, жрецами и хранителями знаний, и их жизнь была

неразрывно связана с божественным присутствием.

Именно здесь, в Зале Совета Бранкаса, решалась судьба всего сущего. В этом чертоге, чьи колонны были высечены из цельных кристаллов вечности, собрались боги. Они не были эфемерными духами; каждый из них был статен и осязаем, ростом превосходя любого смертного в три или четыре раза. Их тела были совершенны, а лица дышали такой мудростью и силой, что один их взгляд мог заставить горы содрогнуться.

Каждый из богов носил исключительные одеяния и доспехи, сотканные из света звёзд и выкованные в недрах погасших солнц. На поясе бога мудрости висел свиток из кожи времени, а богиня морей носила ожерелье из застывших волн. Их окружали слуги — бесплотные духи стихий, молчаливые и преданные.

В тот день слово взял бог-оракул Рек. Его голос был подобен грому, но слова звучали ясно и безжалостно, как приговор судьбы.

— Валингтор спит, — провозгласил он, и его глаза, видящие сквозь время, устремились вдаль. — Он нуждается в силе, которая будет равна его дикой природе. Нам нужна раса существ, способных укротить его горы и подчинить его леса. Раса, чья плоть будет из камня, а воля — несокрушима, как скала.

Он повернулся к богу земли Лону. Тот стоял неподвижно, словно сама гора, облачённый в доспехи из базальта и гранита. В его власти были недра, камни и всё, что растёт из

почвы.

— Это деяние для тебя, Лон, — сказал Рек. — Ты дашь им плоть из камня и дыхание жизни.

Но прежде чем Лон успел ответить, раздался мелодичный, но твёрдый голос богини Тализа. Она была облачена в струящиеся одежды цвета морской волны.

— Я против, — произнесла Тализа. — Вы создаёте не хранителей, а воинов. Эти существа принесут лишь войны и могут истребить весь мир. Их мощь слишком велика для такой юной планеты.

Её слова повисли в воздухе тяжёлой тучей. Но тут же их развеял громкий смех бога силы и мощи Узeka. Он был гигантом даже среди богов; его мускулы перекатывались под кожей, словно живые валуны.

— У тебя есть твои создания, Тализа! — пророкотал Узек. Его ухмылка была дерзкой и вызывающей. — Например, твой драгоценный «Владыка Бездны». Из-за него мои слуги боятся выходить в море! И вообще... — он сделал паузу, обводя взглядом Совет с лукавым блеском в глазах. — Вдруг он может съесть весь мир?

Тализа вспыхнула от гнева.

— Мои создания не могут уничтожать! Потому что они добры по своей сути!

Узек лишь расхохотался ещё громче.

— Доброта? В мире силы? Какая наивность!

Спор грозил затянуться, но другие боги уже приняли ре-

шение. Почти все они были не против создания новой разумной расы. Согласие с богом-оракулом Реком было почти единодушным. Они видели будущее так же ясно, как он.

Решение было принято. Боги дали своё божественное добро.

Лон выступил вперёд. Он воздел руки к небу Галтипии, и его доспехи засветились изнутри глубоким зелёным светом — цветом молодой листвы и влажной земли. Он опустил ладони вниз, к далёкому Валингтору. Из его пальцев потянулись невидимые нити первородной магии земли.

Там, на Валингторе, в самом сердце материка, где сходились тектонические плиты и магма подступала близко к поверхности, началось великое творение. Семь гигантских фигур начали формироваться прямо из скальной породы. Камень тек, как глина под руками великого скульптора. Семь колоссов поднимались из земли: их тела были высечены из гранита и обсидиана, их кости были из адамантина, а сердца бились расплавленным ядром планеты. Лон вдохнул в них магию земли — способность чувствовать дрожь почвы и повелевать камнями.

Так на свет появились первые великаны. Семь существ невероятной мощи, рождённых волей богов для того, чтобы изменить Валингтор навсегда.

Когда последняя капля расплавленного камня стекла с их могучих плеч и застыла, превратившись в гладкую, отполированную броню, семеро исполинов обрели свою оконча-

тельную форму. Они были великолепны в своём первобытном совершенстве. Их тела, высеченные из гранита, базальта и тёмного обсидиана, не были угловатыми глыбами. В них удивительным образом сочеталась несокрушимая мощь камня и изящество человеческих черт. Их кожа, хоть и напоминала на ощупь шероховатый, но тёплый гранит, была на удивление гладкой и обладала естественным, едва заметным узором, похожим на годовые кольца дерева или прожилки в мраморе. Она не блестела, а скорее впитывала свет, отчего казалось, что они сами — часть земли, обретшая плоть.

Каждый из них был наделён телосложением, превосходящим всякое человеческое воображение. Их мускулы не были просто накачаны — они были монолитны, словно каждый узел и каждое волокно были выточены из цельного куска скалы. При малейшем движении под этой «каменной кожей» перекачивались валуны, демонстрируя сокрушительную силу, способную дробить горы. Их лица, хоть и были суровы и величественны, несли на себе отпечаток разума: высокий лоб мыслителя у одного, волевой подбородок воина у другого, проницательный взгляд провидца у третьего. Они были похожи на людей так же, как величественный дуб похож на тонкую осину — та же суть, но несоизмеримый масштаб и сила.

Внезапно воздух вокруг них сгустился, и из ослепительного света соткалась фигура их создателя. Бог Лон стоял перед своими творениями во всём своём божественном вели-

чий. Он был облачён в доспехи из живой земли, а его глаза сияли глубоким изумрудным светом. Великаны, повинувшись неведомому инстинкту, рождённому вместе с ними, рухнули на одно колено и склонили свои огромные головы в глубочайшем поклоне.

— Встаньте, дети мои, — прогремел голос Лона, подобный гулу пробуждающегося вулкана. — Вы созданы по моему образу и подобию. Я вложил в вас частицу своей души. Так же говорите на своём языке. И понимайте меня.

Слова бога ещё звучали в воздухе, когда великаны осознали новую для себя истину. Из их уст полились звуки — низкий, раскатистый гул, похожий на эхо в горной пещере. Это был их язык. И в тот же миг они поняли слова Лона.

— Отец! — прогремел один из них, и его голос заставил задрожать саму почву. — Мы благодарим тебя за дар жизни!

— Мы хотим знать больше! — подхватил другой. — Расскажи нам о мире!

Их глаза горели жаждой познания. Они были его детьми не только по плоти, но и по духу.

— Я дам вам знания, — с отеческой любовью произнёс Лон. — Но если вы хотите знать больше — изучайте землю. Изучайте камни. Это ваша история. Это ваша плоть. Это ваша магия.

Великаны снова склонили головы в благодарном поклоне. Их создатель был мудр.

— Дети мои... а теперь я дам вам имена, — с нежностью,

неожиданной для его громового голоса, сказал Лон.

Он подошёл к первому из них. Этот гигант был сложен как несокрушимая крепость. Его плечи были подобны двум скальным уступам, а руки могли бы обхватить вековой дуб. В его облике читалась абсолютная стойкость.

— Ропр, — провозгласил Лон. — Твоё имя означает «Несокрушимый». Ты будешь скалой, о которую разобьются любые волны времени.

Рядом с ним стояла исполинская фигура с кожей цвета грозовой тучи. Его тело было испещрено глубокими трещинами, из которых исходило тусклое красное свечение, словно внутри него бушевало заточённое пламя.

— Тинас, — сказал бог. — «Пылающее Сердце». В тебе живёт жар недр планеты.

Третий великан был самым высоким из всех. Его тело казалось высеченным из цельного куска чёрного обсидиана, а его движения были плавными и текучими, как лава.

— Калав, — нарек его Лон. — «Теневой Страж». Ты будешь незримым защитником и хранителем тайн.

Затем бог повернулся к великанше с кожей цвета речного песка и гранита. Её фигура была воплощением силы и плодородия одновременно; казалось, она могла одной рукой взрастить лес, а другой — обрушить гору.

— Гуле, — произнёс он. — «Мать-Земля». В тебе заключена жизнь и сила самой почвы.

Пятый великан был подобен живой горе из серого грани-

та. Он стоял неподвижно, словно сам был частью ландшафта, а его взгляд был устремлён вдаль с мудростью веков.

— Ирав, — сказал Лон. — «Вечный». Ты будешь помнить то, что другие забудут.

Шестой исполин обладал телосложением истинного воина. Его мускулы были подобны скальным хребтам, а в руках он держал два валуна так легко, словно это были простые гальки.

— Олим, — нарек его бог. — «Молотобоец». Твоя сила будет легендой.

Последней бог обратился к великанше с кожей цвета полированного мрамора с тонкими синими прожилками. Её облик был самым изящным из всех, а взгляд сиял ясным умом.

— Сива, — ласково сказал Лон. — «Мудрая». Ты будешь видеть пути там, где другие видят лишь тупик».

Так семеро первых детей земли получили свои имена и своё предназначение под взглядом своего создателя.

Лон возложил свою огромную, испещрённую рунами ладонь на голову Сивы, и в этот миг каждый из семерых почувствовал, как их сущность обретает окончательную форму. Имена, данные создателем, не были просто словами — они стали их сутью, вплетённой в саму структуру их каменных тел.

— Теперь вы — первые, — прогремел голос бога земли. — Вы — дети Валингтора. Ваша задача — не разрушать, но

упорядочить. Не подчинить, но стать опорой для того, что грядёт. Вы — хребет этого мира.

Он отступил на шаг, и его фигура начала таять в воздухе, растворяясь в золотистом сиянии.

— Я дал вам жизнь и имена. Остальное вы должны взять сами. Изучайте свои дары. Слушайте шёпот гор. Я буду наблюдать.

С последними словами Лон исчез. Великаны остались одни посреди бескрайней, дикой равнины. Некоторое время они молчали, осмысливая произошедшее. Тишину нарушил Тинас. Он медленно сжал свой огромный кулак, и из трещин в его обсидиановой коже вырвался сноп искр.

— Я чувствую это, — пророкотал он, и его голос был похож на гул далёкого извержения. — Внутри меня бушует пламя. Оно рвётся наружу.

Не дожидаясь ответа, он с силой ударил кулаком по земле. Удар не оставил на его коже и царапины, но почва под ним раскололась, и из разлома хлынула раскалённая магма, формируя огненную реку. Великаны отшатнулись от жара.

— Сила... — прошептал Олим, подходя ближе к краю разлома. Он поднял с земли два огромных валуна, которые весили как сотня быков, и с лёгкостью подбросил их в воздух. — Я чувствую мощь в каждом камне. Они... они говорят со мной.

Сива тем временем опустилась на одно колено и приложила ладонь к земле. Её мраморная кожа засветилась мяг-

ким голубоватым светом.

— Я вижу пути, — тихо, но отчётливо произнесла она. — Под нами текут жилы редчайших руд. На севере, за десять дней пути отсюда, есть гора, чья вершина пронзает облака. Там мы сможем возвести цитадель.

— Цитадель? — переспросил Ирав. Его гранитное лицо было неподвижно, но в глазах светилась вековая мудрость. — Нам не нужен дом. Нам нужно дело. Мир вокруг нас дик и пуст. Мы должны заполнить эту пустоту.

— Но чем? — подала голос Гуле. Она провела рукой по воздуху, и там, где её пальцы касались бесплодной почвы, мгновенно прорастала густая трава и пробивались цветы. — Мы можем дать жизнь этой земле так же легко, как Тинас может её сжечь.

Слова Сивы натолкнули Ропра на мысль. Он посмотрел на север, в ту сторону, куда указала Сива.

— Если мы построим там дом, — медленно проговорил он, и его голос был подобен грохоту сходящей лавины, — то это будет не просто дом. Это будет оплот. Место, откуда мы начнём изучать этот мир и придавать ему форму.

Калав, до этого молча наблюдавший за спором из тени своей обсидиановой фигуры, наконец заговорил:

— Прежде чем строить, нужно знать, что мы строим для защиты от. Этот мир не пуст. Я слышу рёв в глубоких пещерах и чувствую движение под корой земли. Здесь есть другие... создания.

Слова Теневого Стража заставили всех замолчать. Олим сжал свои валуны так, что они треснули и рассыпались в пыль.

— Значит, мы будем готовы к встрече с ними, — твёрдо сказал он.

Решение было принято единогласно. Их первой целью стала гора на севере.

Путь занял ровно десять дней. Семь колоссов шли через долины и леса, и их поступь оставляла в земле глубокие следы, которые со временем заполнялись водой, образуя озёра. Тинас своим пламенем выжигал просеки в непроходимых чащах. Гуле следовала за ним, и на пепелище тут же поднималась новая, ещё более пышная растительность. Сива безошибочно вела их кратчайшим путём.

На одиннадцатый день они достигли цели.

Перед ними возвышалась гора титанических размеров, чья двойная вершина действительно пронзала небеса. Её склоны были отвесными и неприступными.

— Вот оно, — выдохнула Сива.

Олим не стал медлить. Он подошёл к подножию горы и нанёс по ней могучий удар своим кулаком-молотом. Удар был такой силы, что вся гора содрогнулась до самого основания. По каменному монолиту побежала огромная трещина. Вторым удар обрушил целую скальную стену, открывая проход вглубь горы.

Так началась их работа.

Ропр формировал несокрушимые стены и своды из цельного гранита, делая их прочнее любого известного металла.

Тинас плавил камень своим внутренним жаром, создавая ровные полы и гладкие арки.

Олим добывал и перемещал гигантские глыбы, служа живой силой строительства.

Гуле оживляла внутренние залы: там, где она касалась стен, вырастали светящиеся кристаллы и причудливые каменные цветы.

Ирав своей волей скреплял все элементы воедино, делая цитадель единым, вечным организмом.

Калав создавал тайные ходы и наблюдательные посты, скрытые от чужих глаз.

А Сива проектировала всё это, видя внутренним взором каждый зал и каждый коридор ещё до того, как он был создан.

Через месяц титанических трудов первая крепость великанов была готова. Она уходила глубоко в недра горы и венчала её вершину сияющими башнями из полированного обсидиана и золота. Это был монумент их могуществу.

Стоя на самой высокой башне своего нового дома и глядя на бескрайние просторы Валингтора, семеро исполинов чувствовали не только гордость за содеянное. Они чувствовали зов этого мира — первобытный, дикий зов к переменам. Они были здесь чужими всего несколько недель назад. Теперь же они были его частью.

Они были началом новой эры.

Глава 2. Шёпот в бездне

Тализа стояла на дне Мирового океана, но давление многокилометровой толщи воды не было для неё преградой. Её владения здесь представляли собой не просто тёмную впадину, а величественный подводный сад, скрытый от посторонних глаз. Вокруг богини колыхались леса из светящихся анемонов, чьи щупальца излучали мягкое, неземное сияние — сапфировое, изумрудное и аметистовое. Медленно проплывали гигантские левиафаны, её древние питомцы, почти тельно склоняя рогатые головы при виде создательницы. Вода была кристально чиста, и сквозь неё виднелись руины затонувших цивилизаций, которые Тализа сохранила как памятники былым эпохам.

Перед ней, занимая всё пространство до самого горизонта этого подводного плато, возлежало существо, чьё имя само по себе было синонимом первобытного ужаса — «Владыка Бездны» Это было создание титанических размеров, чья истинная форма ускользала от восприятия. Его тело представляло собой клубок исполинских, толщиной с вековой кедр, щупалец, покрытых присосками размером с щит воина. Каждое щупальце оканчивалось когтем из чёрного адамантина, способным разрывать стальную обшивку кораблей. Но самым пугающим были его глаза — три огромных, лишённых

зрачков сферы, источающие холодное, мертвенное свечение древней магии. Они смотрели на Тализу без страха, лишь с преданностью древнего слуги.

— О моё творение, Владыка Бездны, — голос Тализы, обычно мелодичный, под водой звучал приглушённо и торжественно, словно шорох прибоя о гальку. Она подплыла ближе, и вокруг неё закружились маленькие искрящиеся рыбки-светлячки. — Ты ведь мудр и справедлив. Скажи мне, зачем бог-оракул Рек сказал создать новую расу существ? Что он преследовал? Какие мотивы движут им и что именно он увидел в переплетении времён?

Владыка Бездны не ответил сразу. Одно из его колоссальных щупалец медленно поднялось со дна, взметнув облако потревоженного ила и песка. Он коснулся одного из светящихся кораллов, и тот мгновенно погас, погрузившись во тьму.

— Мир большой, моя богиня, — пророкотал он, и его голос был подобен скрежету сталкивающихся тектонических плит. Звуковые волны от его слов заставляли воду вибрировать. — Больше, чем кажется смертным... и даже нам. К каждому уголку мироздания нужны свои хранители. Существа, чья природа будет соответствовать дикой сути этих земель. Валингтор спит. Он дик. И ему нужны те, кто способен укротить его горы своей собственной, несокрушимой волей.

Тализа слушала, нахмутив брови. Её прекрасное лицо омрачила тень тревоги.

— Говоришь верно, — произнесла она после долгой паузы, и её взгляд стал острым, как осколок льда. — Но если кто-то захочет воспользоваться их слабостью? Если найдётся тот, кто сможет превратить этих детей камня в оружие против нас самих или против всего живого? Их мощь слишком груба, слишком прямолинейна. В ней нет той гармонии, которую я вкладываю в своих созданий.

Щупальца Владыки Бездны пришли в медленное движение, сплетаясь в сложный узор.

— Неисключено, моя богиня, — бесстрастно ответило древнее чудовище. Его центральные глаза сузились. — Любую силу можно извратить. Любой дар — обернуть проклятием. Камень может быть фундаментом дома, а может стать оружием убийцы. Вопрос не в том, можно ли их использовать во зло, а в том, кто первым решит это сделать.

Слова Владыки упали тяжёлым грузом на душу Тализы. Богиня морей замерла, погружённая в тревожные раздумья. Она смотрела на своих мирных левиафанов, на хрупкую красоту своего сада, и представляла, как эту гармонию разрушает неукротимая ярость каменных гигантов.

И вдруг, в самый центр её сосредоточенной мысли, раздался тихий, почти невесомый стук. Словно кто-то осторожно постучал костяшками пальцев по хрустальной стене её сознания. Это было настолько неожиданно, что Тализа вздрогнула. Кто мог осмелиться нарушить её уединение здесь, на дне океана?

— Кто ты? — мысленно спросила она, посылая свой вопрос в пустоту. Голос её внутри собственного разума прозвучал подобно удару храмового гонга.

Ответ пришёл немедленно, но он был полной противоположностью её грозному вызову. Это был мягкий, тёплый и ясный свет, принявший форму голоса:

— Это я, богиня света Яркала. Мне нужно поговорить с тобой, Тализа. Дело срочное и касается того самого решения Совета.

Тализа медленно повернулась к Владыке Бездны. Тот уже понял, что аудиенция окончена. Он склонил свою массивную голову в молчаливом прощании. Тализа ответила таким же кивком. На одно мгновение её фигура стала прозрачной, словно сотканной из морской пены, а затем океан сомкнулся над тем местом, где она только что стояла.

Мгновение дезориентации, ощущение полёта через эфир, и вот её ноги коснулись твёрдой мостовой. Тализа воплотилась в одном из многочисленных переулков города Бранкас.

Воздух Галтипии был сух и напоен ароматами цветущих апельсиновых деревьев и нагретого солнцем мрамора. После гулкой тишины океанских глубин звуки города обрушились на неё: далёкий перезвон храмовых колокольчиков, смех детей, играющих на площади неподалёку, мерный стук молотка из кузнечного квартала. Солнечный свет, настоящий, а не преломлённый толщей воды, заливал улочки, заставляя белый камень стен сиять ослепительной белизной.

Тализа поправила струящиеся одежды цвета морской волны. Здесь, среди людей, она казалась обычной женщиной невероятной красоты, разве что её кожа имела едва уловимый перламутровый оттенок, а в глазах плескалась синева глубокого моря. Она медленно пошла вперёд, скользя между прохожими, которые инстинктивно уступали ей дорогу, сами не понимая почему. Она шла, прислушиваясь не к звукам города, а к тонкому внутреннему зову — тёплому лучу света, который вёл её сквозь лабиринт улиц Бранкаса туда, где ждала её сестра-богиня.

Тализа вышла из тени узкого переулочка и ступила на «Площадь Всех Богов». Это было сердце Бранкаса, место, где божественная мощь обретала физическое воплощение в камне и драгоценных металлах. Площадь представляла собой идеальный круг, вымощенный плитами из редчайшего перламутрового мрамора, который впитывал солнечный свет и мягко рассеивал его изнутри, создавая иллюзию того, что сама земля светится. В центре площади возвышался фонтан с тремя ярусами, извергающий не воду, а чистейший жидкий свет, который стекал по чашам и исчезал, испаряясь в воздухе мириадами золотистых искр.

Здесь, под сенью этого сияющего фонтана, Тализа сразу увидела её. Яркала стояла так, словно сама была источником света. Её ослепительно яркие одеяния были сотканы не из ткани, а из концентрированного солнечного луча, который казался твёрдым на вид. Тяжёлая парчовая мантия ниспада-

ла до самой земли, и при каждом движении богини она переливалась всеми оттенками расплавленного золота. На груди у неё покоилось массивное ожерелье, каждое звено которого представляло собой идеально огранённый кристалл, внутри которого бушевало заточённое пламя новорожденной звезды. Волосы Яркалы, цвета чистого платины, были убраны в сложную высокую причёску, украшенную диадемой с огромным бриллиантом, который, казалось, соперничал в яркости с самим солнцем. От всего её облика исходило такое невыносимое сияние, что смертным приходилось отводить глаза, чтобы не ослепнуть.

Тализа медленно приблизилась к сестре-богине. Её собственные одежды цвета морской волны выглядели скромно и спокойно на фоне этого великолепия.

— Здравствуй, Яркала, — произнесла Тализа, останавливаясь в нескольких шагах от фонтана. — Зачем ты меня звала? Я оставила важный разговор ради твоего зова.

Яркала повернулась к ней. Её лицо, прекрасное и безмятежное, как рассвет, озарилось мягкой улыбкой. Она протянула руку, и один из потоков жидкого света из фонтана поднялся вверх, сформировавшись в изящный стул для Тализы.

— Приветствую тебя, сестра, — голос Яркалы был подобен перезвону хрустальных колокольчиков. Он звучал тепло и мелодично, но Тализа уловила в нём едва заметные нотки тревоги. — Прошу, присядь. То, что я должна сказать, нельзя слушать стоя.

Тализа приняла приглашение, хотя её движения оставались настороженными. Она села, расправив складки своего платья, и внимательно посмотрела на Яркалу.

— Что случилось?

Яркала глубоко вздохнула, и её золотые украшения на мгновение потускнели, словно разделяя её волнение.

— Тализа... у меня было видение. Оно касалось Валингтора. И тех существ, которых там создают.

Тализа удивлённо приподняла бровь. Её худшие опасения начали подтверждаться.

— Видение? О чём именно ты говоришь, Яркала? И что же ты увидела?

Богиня света закрыла глаза, словно пытаясь заново пережить увиденное. Когда она заговорила снова, её голос стал тише, в нём слышался отголосок пережитого ужаса.

— Я видела недра земли. Не просто камень или магму. Я заглянула глубже, туда, куда не проникает даже свет звёзд. Из этой абсолютной черноты, из самого сердца мира, начало подниматься нечто... древнее. Существо, чья мощь превосходит всё, что мы можем себе представить. Могущественнее всех богов.

Она открыла глаза, и Тализа увидела в них настоящий страх — первобытный, ледяной ужас, который испытывает бессмертный перед лицом чего-то поистине чуждого.

— Но самое страшное не это, Тализа. Это существо... оно будто читало меня сквозь моё же ведение. Оно знало, что я

смотрю на него. И оно смотрело в ответ. Его внимание было подобно тяжести целой горы, обрушившейся на мою душу. Я почувствовала себя песчинкой перед надвигающимся штормом.

Тализа слушала, и холод, не имеющий ничего общего с океанской глубиной, сковал её сердце. Она недоверчиво покачала головой.

— Ты хочешь сказать, что эти великаны... их должны разбудить?

Яркала кивнула, её лицо стало мертвенно-бледным, несмотря на окружавшее её сияние.

— Да. Именно так. Они — ключ. Или, быть может, лишь первая ступень. Их создание, эта грубая сила, вложенная в них Лоном... она предназначена для того, чтобы нарушить тот древний сон. Чтобы выпустить то, что должно оставаться погребённым во тьме. Рек видел это. Он знал. Вот истинная причина, почему он настаивал на создании этой расы.

Две богини замолчали. Весёлый смех детей, игравших на другом конце площади, казался теперь далёким и нереальным. Над Бранкасом по-прежнему сияло солнце, но для двух хранительниц мира оно померкло, заслонённое тенью грядущей угрозы, пробуждающейся в далёком Валингторе.

Глава 3. Каменные корни

Время для детей земли текло иначе, чем для смертных. То, что у людей заняло бы десятилетия, у великанов укладывалось в месяцы. Их цитадель, высеченная в сердце горы, уже не была просто укрытием от непогоды и диких тварей. Она стала ядром, из которого, словно кристаллы из перенасыщенного раствора, начал расти их собственный город.

Ропр стоял на самой высокой смотровой площадке цитадели, сложив руки на груди. Его массивная фигура отбрасывала длинную тень на долину внизу. Он смотрел не на то, что уже было построено, а на то, что рождалось прямо сейчас. Его сородичи трудились слаженно, как единый организм.

Тинас, «Пылающее Сердце», находился в самом центре строительной площадки. Он стоял в огромной чашеобразной выемке, которую сам же и выжег своим внутренним жаром. Из трещин в его обсидиановой коже вырывались языки пламени, но они не обжигали — они плавил. Тинас направлял этот жидкий камень, заставляя его течь по заранее намеченным Сивой руслам. Застывая, лава превращалась в идеально гладкие, блестящие чёрные дороги и фундаменты будущих зданий.

Рядом с ним Олим, «Молотобоец», работал с первобытной мощью. Он не просто поднимал валуны — он форми-

ровал их. Одним ударом своего исполинского кулака он мог расколоть гору так, чтобы получить блок нужного размера и формы. Он подхватывал эти гигантские «кирпичи» и с точностью ювелира устанавливал их на место, возводя стены нового жилого квартала.

Гуле, «Мать-Земля», не касалась камня напрямую. Она шла по периметру стройки, и там, где её ступня касалась бесплодной почвы, земля оживала. Из скалы прорастали причудливые каменные деревья с кристаллической листвой, которые должны были стать несущими колоннами для величественных залов. По её воле из недр поднимались столбы из драгоценных минералов, наполняя будущие чертоги внутренним светом.

Сива парила над всем этим хаосом творения в нескольких десятках метров над землёй. Её мраморная кожа светилась мягким голубоватым светом — она видела то, что ещё не существовало. Она была архитектором этого мира. Её разум проецировал трёхмерную карту города прямо в воздух, и остальные великаны следовали её указаниям с безупречной точностью.

Ропр смотрел на это и чувствовал гордость, от которой дрожала сама земля под его ногами.

— Мы великие творения своего бога! — прогремел его голос, эхом прокатившись по долине. — Посмотрите! Мы не просто выживаем в этом мире. Мы придаём ему форму! Мы — хребет Валингтора!

Его слова нашли отклик в сердцах собратьев. Тинас на мгновение оторвался от работы и издал утробный рык одобрения. Олим с грохотом опустил очередной блок и поднял голову к Ропруу.

— Ты прав, брат! — пророкотал он. — Наша сила — это дар Лона. Мы должны чтить его!

Эта мысль засела в сознании Ропра крепче любого алмазина.

— Мы должны построить храм! — провозгласил он так громко, что даже Сива отвлеклась от своих чертежей и посмотрела на него сверху вниз. — Не просто дом для нас самих. А святилище для того, кто дал нам жизнь. Величественный храм в честь бога Лона!

Идея была встречена абсолютным единодушием.

— Да будет так! — прогудел Ирав, «Вечный», чьё гранитное лицо впервые за долгое время озарилось чем-то похожим на воодушевление.

— Я украшу его садами из живого камня! — тут же откликнулась Гуле.

— Я наполню его вечным пламенем! — добавил Тинас.

— А я сделаю его таким прочным, что даже время будет бессильно против него! — закончил Ропр.

Так было принято решение. В самом центре растущего города начали возводить святилище. Это было не просто здание. Это был монумент благодарности, высеченный из цельной скалы, которую Олим отделил от основного горного мас-

сива одним ударом.

Однако по мере того как их город обретал очертания, а храм рос к небесам, зов пустошей становился всё настойчивее. Цитадель была построена, теперь у них был дом. Но мир за её стенами оставался диким и неизведанным.

Однажды вечером, когда строительство храма шло полным ходом, Сива подошла к Ропру. Её взгляд был устремлён на север, туда, где за горизонтом лежали неизведанные земли.

— Наш дом прекрасен, — тихо сказала она (её голос всё равно звучал как гул камнепада). — Но мы не можем вечно сидеть за этими стенами. Валингтор огромен. Мы должны знать свои владения.

Ропр кивнул. Он уже думал об этом.

— Ты права, сестра. Мы дети этой земли, но мы знаем лишь этот клочок почвы под ногами. Нам нужны разведчики.

Сива улыбнулась одними уголками губ:

— Я предлагаю отправить нас двоих. Твою несокрушимую защиту и моё предвидение путей. Мы сможем пройти там, где другие погибли, и вернуться с картами этого мира.

Ропр посмотрел на неё, затем перевёл взгляд на остальных великанов. Олим ковал ворота для храма из сплава метеоритного железа и гранита. Тинас создавал огненные фонтаны во дворе цитадели. Гуле выращивала кристаллические сады для отдыха.

— Да будет так, — наконец произнёс Ропр. — Мы отправимся на рассвете. Изучим территорию материка и вернёмся с вестями о том, что ждёт нас за горизонтом.

Решение было принято. Пока их город продолжал расти из камня ввысь, двое перворожденных готовились спуститься с гор в неизведанную дикость Валингтора, чтобы проложить путь для своей новой расы.

Рассвет на вершине северной цитадели был лишен привычной смертным нежности. Солнце не окрашивало небо в розовые тона — оно просто отодвинуло черный полог ночи, обнажив безжалостно белый диск, чей свет резал глаза даже сквозь каменные веки.

Ропр и Сива стояли у главного пролома в стене, который Олим оставил для них накануне вечером. На Ропре не было доспехов — его собственная гранитная кожа была крепче любого металла, созданного людьми будущего. Он нес лишь широкий пояс из спрессованного базальта, к которому были приторочены два массивных кожаных тубуса: один для воды, другой — пустой, предназначенный для свитков Сивы.

Сива выглядела иначе. Если облик Ропра воплощал мощь осадной башни, то она казалась выточенной из цельного куса белого мрамора с тонкими синими прожилками. Вместо походной сумки за спиной у нее висел плоский футляр из окаменевшего дерева, внутри которого покоились пластины из сланца, кусок черного графита и несколько кристаллов горного хрусталя, служивших ей линзами.

— Мы готовы? — прогремел голос Ропра. Земля под его ногами едва заметно дрогнула от нетерпения.

— Карта начинается с первого шага, брат, — ответила Сива. Ее голос звучал тише, напоминая шелест осыпающейся гальки. — Но помни: смотреть нужно не только вперед, но и вниз. Хребет Валингтора живет своей жизнью.

Они начали спуск. Для людей этот путь занял бы недели мучительного карабканья по отвесным скалам. Великаны же шли размеренно, и их тяжелые шаги сами собой прорубали удобные тропы в горных уступах. К полудню они вышли из зоны вечных снегов в предгорья, где начинались первые леса.

Первой землей, которую они пересекли, стали южные джунгли. Здесь время текло еще медленнее, а жизнь достигла чудовищных размеров. Деревья вздымались на сотни метров вверх, их стволы были настолько широкими, что Ропр мог бы обхватить один из них, разведя руки, и все равно остались бы зазоры. Листва этих гигантов пропускала так мало света, что внизу царили вечные сумерки.

Здесь обитали существа, которых Сива позже назовет «Шестиногие Пастухи». Это были массивные создания размером с молодого быка, покрытые густой шерстью цвета мха. У них было шесть суставчатых конечностей, позволявших им цепляться за самые крутые склоны деревьев, и длинные шеи, которыми они объедали гигантские папоротники. Их головы напоминали олени, но вместо рогов росли витые

ветви, на которых прямо во время ходьбы прорастали свежие листья. Они передвигались бесшумными стадами, питаясь светом звезд, проникающим сквозь кроны. Сива долго зарисовывала одного из них, присев на одно колено: ее графит плавно скользил по сланцу, фиксируя каждую мышцу под шерстью и узор ветвистых рогов. Она отметила в своих записях голубым камнем: «Симбиоз животного и растения абсолютен. Дыхание создает хлорофилл».

Ропр охранял её покой. Когда стая мелких, похожих на летучих мышей существ с перепончатыми крыльями из застывшей смолы попыталась напасть на Сиву сверху, он просто выставил ладонь. Твари врезались в его руку со скоростью стрелы, раздался звук удара камня о камень, и нападающие бесславно упали к его ногам, превратившись в облачко черной пыли.

Покинув влажный юг, великаны вышли в сердце материка — в бескрайние степи, которые оказались совсем не пустыми. Местную фауну Сива классифицировала как «Геоформ».

Первым они встретили Стадо Бродячих Скал. Издалека это действительно выглядело как цепь невысоких, поросших лишайником холмов, медленно ползущих по направлению ветра. Лишь когда Ропр подошел ближе, «холм» приподнялся на четырех колоннообразных ногах. Это были колоссальные черепахи, чей панцирь состоял не из кости, а из спрессованных слоев песчаника и древних костей погибших живот-

ных. На их спинах росли полноценные дубравы, а в углублениях панцирей скапливалась дождевая вода, образуя небольшие озера. Сива замеряла длину их шага (двадцать человеческих шагов) и угол наклона солнца, чтобы вычислить скорость их миграции.

Ночью, когда Ропр развел небольшой костер из кремней, ударяя ими друг о друга (искры сыпались прямо из трещин в его коже), из-под земли слышался низкий гул. Появились «Землерои» — слепые червеобразные существа длиной с караванную повозку. Их пасти представляли собой диски из пяти вращающихся алмазных зубов, способных перемалывать коренную породу. Они проплывали сквозь землю, оставляя после себя туннели с идеально гладкими стеклянными стенами. Один такой червь прошел прямо под местом отдыха великанов; они почувствовали это как легкое землетрясение, но сама земля над ними даже не просела — существо действовало подобно игле, сшивающей ткань.

Повернув на запад, к побережью, которое еще не знало парусов, путники столкнулись с иной стихией. Воздух здесь пах йодом и озоном, а песок на пляже состоял из мелкого, перетертого штормами стекла.

В прибрежных водах властвовали Левиафаны Тализы, но если в глубинах океана они были грациозны, то здесь, в мелкой воде, они охотились с первобытной яростью. Огромные змееподобные тела с хрящевым каркасом выпрыгивали из воды, обрушиваясь на плавающие острова плотоядных водо-

рослей.

Но главным открытием западных земель стали «Костяные Гарпии». Эти падалыщики имели размах крыльев около пятнадцати метров. Их оперение давно истлело, обнажая серый остов. Они не были живыми существами в полном смысле слова — это были колонии паразитического мха, захватившие скелеты птерозавров. Мышц у них не было; они планировали на восходящих потоках воздуха от гниющих туш морских чудищ, издавая скрип трущихся костей. Сива зарисовала структуру их крыла, отметив красным камнем: «Опорно-двигательный аппарат отсутствует. Управление осуществляется выделением спор разной плотности, меняющих парусность крыла». Ропр поймал одну такую гарпию, севшую отдохнуть на его плече, и осторожно пересадил на валун, боясь повредить хрупкую костяную конструкцию.

На севере климат резко изменился. Тепло, исходящее от тел самих великанов, превращалось в пар, оседающий инеем на их бровях. Здесь деревья исчезли вовсе, уступив место ледникам, которые двигались с неспешностью богов.

Именно здесь, среди синего льда, они обнаружили следы того самого древнего ужаса, о котором шептались боги. В глубокой ледяной расщелине лежал замерзший «Морозный Исполин» — существо, чья анатомия зеркально отражала их собственную, но была искажена до кошмара. Оно тоже состояло из камня, но этот камень был изъеден холодом и покрыт шипами из чистейшего льда. Его лицо не имело черт разума

— лишь огромная пасть, заполненная сталактитами-зубами. Сива дрожащей рукой начертила руну предупреждения рядом с этим наброском.

Живых существ тут почти не было, кроме «Ледяных Пауков» — прозрачных членистоногих, чьи тела состояли из концентрированной морской соли. Они замирали на льду, становясь невидимыми, и оживали, лишь чувствуя вибрацию шагов. Ропр случайно наступил на одного, и паук рассыпался фонтаном острых, как бритва, соляных осколков, оставив на гранитной стопе Ропра глубокую царапину — первую отметину за тысячи километров пути.

Двигаясь обратно на восток вдоль побережья, они попали на равнину, где никогда не стихал ветер. Здесь не было ни зверей, ни птиц. Единственными обитателями были «Эоловы Флейты» — колонии кораллоподобных организмов, выросшие вокруг скал причудливой формы. Ветер, проходя через миллионы микроскопических отверстий в их структуре, создавал непрерывный хор. Звук варьировался от низкого гула, заставляющего вибрировать грудную клетку, до пронзительного визга. Звуковая волна была настолько плотной, что мелкие камни поднимались в воздух и зависали на уровне колен идущих великанов. Сива закрыла свои уши-кристаллы руками из сланца, чтобы сосредоточиться на записи нот этого природного органа, пытаясь уловить закономерность в хаосе звуков.

Спустя три месяца пути — что для великанов ощущалось

как долгая, но плодотворная неделя — они вновь увидели родные шпили своей цитадели.

За плечами Ропра больше не было пустоты. Теперь там висели две огромные плиты из легкого, но прочного дерева железного дуба, которые он вырубил на востоке. На них Сива перенесла свои главные чертежи.

Ее коллекция сланцевых пластин заполнила весь первый зал храма Лона. Там были:

- * Анатомические атласы Шестиногих Пастухов;
- * Топографические карты путей миграции Черепаших островов;
- * Предупреждения о зонах обитания Костяных Гарпий;
- * И самое главное — карта севера, испещренная красными рунами опасности, отмечающая границы вечной мерзлоты, где спит чуждая материку сила.

Ропр стоял перед этой картой, глядя на континент, который впервые предстал перед его народом не как бесконечная угроза, а как поле для деятельности.

— Мир огромен, сестра, — пророкотал он, проводя пальцем-тумбой по синим прожилкам рек. — И он уже знает наш шаг. Завтра я поговорю с Олимом. Нам понадобятся новые дороги. Но мы ещё глубже не изучили юг материка.

Сива ничего не ответила, лишь провела ладонью над центральной частью карты. Камень под ее пальцами едва заметно потеплел.

— А я поговорю с Гуле, — тихо произнесла она. — Север

мертв. Мы должны принести туда весну.

Глава 4. Дыхание матери

Утро в главном зале цитадели началось с тишины, которая казалась неестественной после грохота строительных работ. Ропр уже ушел на южные пастбища проверять стада прирученных Шестиногих Пастухов, а Олим руководил установкой гигантских обсидиановых дверей храма Лона. Сива стояла перед картой континента, которую они создали вместе с братом. Ее мраморные пальцы скользили по северной оконечности Валингтора — обширному белому пятну, перечеркнутому ее же красными рунами опасности.

Она ждала у входа в пещеры Гуле. Мать-Земля редко покидала свои подземные сады, предпочитая проводить время там, где корни мира сплетались в единый узел.

Вскоре из темноты прохода послышался мягкий шелест осыпающегося гравия. Гуле вышла на свет. Если кожа Сивы напоминала полированный белый мрамор, то плоть Гуле была похожа на спрессованный речной песок и плодородный чернозем. В ее волосах рос настоящий мох, а глаза цветом напоминали влажную глину после дождя. За ней тянулся шлейф запахов: прелой листвы, озона и цветочной пыльцы.

— Ты звала меня к поверхности, сестра? — голос Гуле был глубоким и вибрирующим, словно гул проседающей почвы. — Мои кристаллы здесь тускнеют от холода.

Сива почтительно склонила голову, что для существа ее

габаритов выглядело как движение тектонической плиты.

— Я пришла говорить о севере, Гуле. О той ледяной пустоши, что граничит с владениями мертвого камня.

Гуле нахмурилась. От этого движения по ее каменной коже пробежала сеть мелких трещин, из которых едва заметно потянулся теплый пар.

— Север спит под одеялом вечной зимы, Сива. Там нет жизни. Только смерть, застывшая во льду. Корни моей магии любят тепло и влагу. Бесплодный камень убивает мои семена еще до того, как они коснутся земли.

— Именно поэтому ты должна пойти туда, — настойчиво, но мягко произнесла Сива. Она шагнула ближе, и голубой узор на ее коже засветился чуть ярче. — Посмотри на наш юг. Там жизнь дика и хаотична. Деревья пожирают друг друга за луч солнца, звери убивают ради выживания. Это закон джунглей. Но север... север — это чистый лист. Мы можем написать там новую историю. Не дикую, но упорядоченную. Жизнь, которая не знает страха, потому что ей некому угрожать.

Гуле молчала, глядя куда-то сквозь стену цитадели, видя перед собой бескрайние белые поля.

— Чтобы растопить тот лед одной силой, нужно призвать пламя Тинаса, — медленно проговорила она. — А огонь без контроля лишь превратит лед в пустыню из черного пепла. Нужно постепенное тепло. Глубокое дыхание.

— У тебя есть такое дыхание, — кивнула Сива. — Ты мо-

жешь согреть землю изнутри. Представь: мы создадим там микроклимат. Ты начнешь с корней, я направлю потоки теплого воздуха с экватора. Мы сделаем так, чтобы весна спустилась с гор вниз, постепенно, бережно. Мы подарим северу возможность существовать.

Мать-Земля опустила взгляд на свои руки. Между ее пальцами проскользнул крошечный зеленый росток и тут же увял от холодного воздуха зала. Она сжала кулак, защищая его, и посмотрела на Сиву. В ее глазах цвета глины впервые вспыхнуло понимание великой задумки архитектора.

— Ты хочешь создать колыбель, — прошептала Гуле. — Место, где жизнь будет расти в безопасности, прежде чем выйдет в жестокий мир равнин. Хорошо, сестра. Я согласна. Покажи мне, где именно должно забиться новое сердце этой земли.

Они выступили через час. Гуле несла с собой плетеную корзину из живых лиан, внутри которой пульсировали споры теплолюбивых грибов-светильников и покоились клубни растений, чьи корни могли пробивать базальт. Сива шла рядом, держа в руках сланцевый планшет с чертежами климатических течений.

Путь на север занял два дня великаньего шага. Они шли молча, и земля отвечала на их приближение. Сначала исчез снег. Твердый наст начал таять, превращаясь в густой туман, который оседал на гранитных телах путников холодной росой. Затем начала меняться сама почва. Под слоем льда Сива

видела жилы геотермальных источников; она указывала на них рукой, и Гуле опускала ладонь на промерзшую землю.

Там, где касалась рука Матери-Земли, происходила алхимия. Вечная мерзлота не просто таяла — она преображалась. Холодный синий лед уступал место пористому, теплому камню темно-бордового цвета. Из глубоких разломов, которые открывала воля Гуле, поднимался невидимый глазу жар недр.

На третий день ландшафт треснул. Огромные ледяные щиты, толщиной в сотни человеческих ростов, начали с оглушительным треском раскалываться. Но вместо того чтобы обрушиться в океан острыми иглами, они оседали, превращаясь в чистейшие пресноводные озера. Вода в них была теплой — Гуле проложила русла подземных горячих ключей прямо под новыми водоемами.

Затем началось само творение.

Гуле встала на колени посреди новообразованной долины, окруженной теперь уже невысокими, сглаженными холмами. Она вонзила ладони глубоко в почву. На километры вокруг прокатилась волна дрожи, не разрушительной, а созидательной.

Из-под земли начали бить фонтаны жидкого чернозема, смешанного с измельченным известняком. Почва вспучивалась, формируя естественный амфитеатр.

Корневой каркас: Гуле выращивала «костяк» будущего биома. Из земли выстреливали гигантские нити грибницы

толщиной с корабельный канат. Они переплетались под землей, создавая дренажную систему, которая не давала талой воде превратить долину в болото. Поверх этих нитей вырастали деревья нового типа — «Тепловые Дубы». Их кора была мягкой и бархатистой, похожей на мох, а сердцевина ствола постоянно генерировала мягкое оранжевое свечение. Даже в полярную ночь эти рощи будут сиять, как затухающие угли огромного костра.

Архитектура ветров: Пока Гуле создавала твердь, Сива работала с пространством над ней. Она поднялась на самую высокую точку новосозданного хребта. Разведя руки, она стала дирижировать атмосферой. Используя разницу давлений между теплым севером и жарким югом, она создала постоянный, но медленный циклон. Теплые воздушные массы закручивались спиралью над долиной, работая как гигантский стеклянный купол теплицы. Сива уплотняла облака, заставляя проливаться теплые дожди, питающие корни дубов.

Мир менялся на глазах.

Там, где вчера выл только ветер над торосами, теперь стоял густой, пряный аромат влажной земли. Пар поднимался от тысяч новых ручьев, образуя низкое жемчужное небо.

Когда структура почвы стабилизировалась, Гуле открыла свою корзину. Она не просто рассыпала семена — она пела им. Низкий, утробный звук заставлял клетки растений делиться с невероятной скоростью.

Клубни падали в пушистую землю и взрывались ростом.

Появились папоротники размером с вековые сосны, чьи листья были настолько мягкими, что сгибались даже от прикосновения бабочки. Поляны покрылись ковром из фосфоресцирующих ягод, чей сок мог исцелять мелкие трещины в камне.

Животные изменения: Следующим этапом было создание фауны. Гуле брала образцы местной, выжившей в муках северной живности — тех самых прозрачных пауков и мелкую рыбешку из теплых ключей — и переписывала их суть.

Вместо хрупких ледяных пауков появились «Хрустальные Светляки» — панцирные насекомые с шестью лапками из закаленного хитина. Днем их спины отражали солнечный свет, нагревая их тела, а ночью они светились мягким синим светом, собираясь в стаи и обогревая кладки яиц других животных.

В теплых водах озер Гуле вывела «Каменных Карпов». Их чешуя была гладкой снаружи, но имела пористую структуру, впитывающую минералы из воды. Когда карпы погибали от старости (спустя столетия), их тела становились залежами чистейшего мрамора.

Самой величественной частью творения стали «Шерстистые Носороги Магмы». Гуле взяла за основу мощь земных гигантов, но уменьшила их до размеров быка. Их толстая шкура состояла из слоев свалявшейся шерсти и застывшей глины, пропитанной теплом тела. Внутри их грудных клеток билось подобие маленького вулкана. Эти животные не нуж-

дались в пищу — они паслись на теплых парах гейзеров, выдыхая в морозный воздух кольца розового дыма. Они стали идеальными плугами: там, где проходил такой носорог, земля оставалась рыхлой и горячей месяцами.

К исходу недели работы двух великанш север преобразился окончательно. Ледяная пустыня перестала существовать. На ее месте лежала Цветущая Тундра — край вечного мягкого лета. Небо здесь всегда имело оттенок бледного персика благодаря фильтрам, созданным волей Сивы, а температура никогда не опускалась ниже точки замерзания.

Великанши стояли на берегу самого большого озера, которое местные обитатели позже назовут Сердцем Севера.

Гуле провела рукой по коре светящегося дуба. По ее пальцам вверх побежали зеленые искры сока.

— Здесь никто не будет знать голода или лютого холода, — тихо сказала она. — Это самое прекрасное мое творение. Оно спокойно.

Сива смотрела на горизонт, где теплое марево севера встречалось с холодным воздухом остальной тундры, создавая причудливую оптическую иллюзию дрожащего зеркала.

— Спокойствие долго не живет, Гуле, — ответила архитектор, и в ее голосе прозвучала нотка старой тревоги. — Мы создали рай. И скоро те, кто живет за стенами нашего рая, захотят войти внутрь.

Но сейчас, в этот момент, среди запаха цветов и тепла земли, две дочери Лона позволили себе мгновение абсолютного

покоя. Мир Валингтора стал больше, зеленее и неизмеримо сложнее.

Сива опустилась на одно колено прямо в густую, теплую траву. Мраморная кожа богини архитектуры сейчас казалась почти прозрачной в мягком оранжевом свете рощ Тепловых Дубов. Она зачерпнула горсть черной, дышащей паром земли и пропустила ее между пальцами. Почва не осыпалась сухим песком, как дома в горах — она текла, оставляя на граните влажный, жирный след.

— Посмотри вокруг, Гуле, — голос Сивы прозвучал тише обычного, лишенный привычного каменного эха. В нем слышалось благоговение. — Мы пришли сюда с молотами и огнем, чтобы покорить дикость. Но взгляни, что выросло под нашими руками без единого удара. Здесь нет борьбы за выживание. Деревья не душат друг друга ветвями, звери не знают запаха хищника. Это... совершенство.

Гуле стояла по пояс в зарослях фосфоресцирующего папоротника. Ее волосы из живого мха впитывали влагу из воздуха, становясь темно-изумрудными. Она смотрела на пасущихся неподалеку Каменных Карпов, которые лениво выпрыгивали из воды, превращая гладь озера в каскад жидкого золота.

— Ты говоришь так, будто жалеешь о наших камнях, сестра, — мягко прогудела Мать-Земля. — Наш дом в горе прочен. Он вечен. Этому месту нужна тишина. Если мы приведем сюда Ропра с его несокрушимостью или Олима с его уда-

рами молота, они раздавят этот хрупкий стебель одним шагом. Гранит слишком тяжел для крыльев бабочки.

Сива поднялась. Голубые прожилки на ее коже вспыхнули тревожным светом, бросая глубокие тени на лицо.

— В том-то и дело, Гуле! — она сделала шаг к подруге, ее движения стали резкими, порывистыми. — Мы создали идеальный мир, но оставили его пустым. Мы смотрим на него сверху, как Лон смотрел на нас в первый день творения. Но мы не можем жить здесь. Наши тела разрушат это равновесие. Один выдох Тинаса спалит эти леса дотла. Одна наша поступь превратит эту плодородную почву в утрамбованную дорогу. Мы — боги этого места, но мы никогда не сможем стать его частью. Мы всегда будем чужаками, высеченными из скалы.

Она остановилась, глядя прямо в глаза цвета влажной глины.

— Я посмотрела на юг, где бродят Шестиногие Пастухи. На запад, где летают Костяные Гарпии. Они живут, потому что их создали. Из праха, из спор, из плоти. У них есть кровь, которая течет, согреваемая солнцем. У нас же вместо крови — магма, запертая в клетке из базальта. Мы мертвы внутри, Гуле. Мы — прекрасные, бессмертные, но холодные надгробия самим себе.

Мать-Земля слушала, медленно опускаясь на колени перед Сивой, чтобы сравняться с ней ростом. От ее движений стайка Хрустальных Светляков испуганно взмыла в воздух,

рассыпаясь синими искрами.

— Плоть слаба, Сива, — тихо произнесла она. — Плоть гниет. Плоть чувствует боль острее любого расколотого камня. Кровь можно пролить. Разве ты хочешь создать тех, кто будет знать страх? Тех, кого придется хоронить?

Лицо Сивы, обычно непроницаемое и величественное, дрогнуло. Впервые за то время пока она здесь архитектурного расчета в ее глазах блеснула человеческая, уязвимая эмоция — тоска.

— Да, — прошептала она. — Именно поэтому. Страх заставляет строить стены. Боль учит искать утешения у другого. Радость от теплого дождя... разве мы знаем, каково это? Мы помним лишь тяжесть горных хребтов. Мы дали этому миру жизнь, но забыли дать ему душу. Душа рождается только там, где есть конец. Где есть смертность.

Сива протянула руку и коснулась плеча Гуле. Там, где мраморные пальцы соприкоснулись с песчаной кожей Матери-Земли, пошел легкий пар.

— Мы должны возвести здесь город, Гуле. Не из цельных скал, как велел Ропр. Не из обсидиана и адамантина. Этот город должен дышать. Он будет называться Великаний Город. И он станет домом не для нас.

Гуле замерла. По ее телу пробежала дрожь, передавшаяся земле — глубоко под ними корни светящихся дубов беспокойно шевельнулись.

— Своих детей? — голос Гуле упал до едва слышного ро-

кота. — Из плоти и крови?

— Из твоей плоти, Гуле, — твердо сказала Сива, сжимая плечо подруги чуть сильнее. — Из той самой субстанции, что родила первые деревья Валингтора. Из красной влаги недр, которую Тинас называет пламенем, а я вижу как живую реку. Ты дашь им основу. Кости, которые будут гибкими, пока растут, и крепкими в зрелости. Сердца, которые будут биться в такт твоему дыханию. Ты наполнишь их теплом.

Гуле закрыла глаза. Казалось, она прислушивается к чему-то очень далекому, скрытому в самом центре планеты.

— А ты? — спросила она, не открывая век. — Что вложишь в них ты, если твоя суть — неподвижный камень?

— Я дам им путь, — ответила Сива, и голубой свет ее кожи разгорелся ярче, освещая полумрак новой долины. — Я видела линии вероятностей. Если мы создадим их просто из желания, они станут отражением нашего одиночества — эгоистичными и жестокими. Но если я сплету саму ткань их судеб... Я сделаю так, чтобы каждый удар их сердец был связан с этим городом. Чтобы они любили эти деревья больше самих себя. Чтобы их первым инстинктом было защищать созданное нами, а не разрушать. Я стану их памятью и их совестью. Их путеводной звездой.

Наступила долгая тишина, нарушаемая лишь шелестом теплых листьев и плеском воды.

Гуле открыла глаза. В них больше не было тревоги, только глубокая, материнская задумчивость. Она посмотрела на

свои руки, затем перевела взгляд на северный горизонт, туда, где сквозь жемчужную дымку виднелись ледяные шапки настоящих, диких гор.

— Плоть и кровь... — повторила она, словно пробуя слова на вкус. — Значит, нам придется научить их мерзнуть, когда придет настоящая зима. Научим их бояться голода, чтобы они ценили плоды. Нам придется позволить им плакать, Сива. Слеза — это вода, которой нет в нашем теле.

— Пусть плачут, — кивнула Сива. — Пусть их слезы падают на землю, которую ты вырастила. Так наши дети породнятся с этой почвой окончательно.

Гуле медленно встала во весь свой исполинский рост. Она возвышалась над Сивой, как живая гора, и тень Матери-Земли накрыла собой половину нового континента. Но теперь эта тень не казалась давящей — она была защитной.

— Хорошо, — пророкотала Гуле, и ее голос впервые звучал не как гул землетрясения, а как обещание урожая. — Я устала носить камни в своей груди. Я хочу почувствовать, как бьется сердце, которое не пытается раздробить гору.

Она повернулась к центру долины, где земля была особенно мягкой и темной.

— Покажи мне чертеж, сестра. Пришло время Великой Лепки. Скажи мне, сколько костей должно быть в их телах, какой длины должна быть их память и какого вкуса должна быть их первая капля крови.

Сива улыбнулась. Она достала из-за пояса чистый сланце-

вый планшет и кусок белого графита. Стерев карту ветров, она начертила первую линию — плавный изгиб будущего позвоночника.

— Начнем с малого, — сказала архитектор, и ее голос снова обрел силу, способную двигать горы. — Начнем с одного. Первого ребенка Севера. Первенца из плоти.

Земля под ногами Гуле начала медленно оседать, образуя идеально ровный круг диаметром в пятьдесят человеческих шагов — будущую Купель Творения. Мир готовился принять новую расу.

Гуле опустилась на колени в самом центре идеально ровного круга, который земля сама выстлала для нее. Она развела руки в стороны, и ее массивные плечи дрогнули. Там, где гранитная кожа Сивы оставалась холодной даже под лучами солнца, от тела Матери-Земли исходил видимый глазу жар. Песок и чернозем под ее ладонями начали дымиться, превращаясь в вязкое, раскаленное стекло.

— Отойди чуть дальше, сестра, — глухо произнесла Гуле, не оборачиваясь. — Мое дыхание сейчас обжигает сильнее кузницы Тинаса.

Сива сделала три шага назад, прижимая сланцевый планшет к груди. Ее мраморная кожа покрылась тонким слоем испарины — впервые архитектор чувствовала себя уязвимой перед стихией своей сестры.

Гуле запрокинула голову к жемчужному небу нового севера. Она начала петь. Это была не мелодия, понятная смерт-

ным ушам, а вибрация самой планеты. Низкий, утробный звук заставил Теплового Дубы по периметру долины сбросить созревшие светящиеся плоды — они падали в траву и гасли, лишённые жизненной силы земли. Корни гигантских папоротников втянулись глубже в почву, прячась от надвигающегося катаклизма творения.

Из центра грудной клетки Гуле, прямо сквозь трещину в ее песчаной броне, начал изливаться поток субстанции. Это не было ни кровью в человеческом понимании, ни магмой. Это был первородный ихор — густая, светящаяся вишневым светом эссенция жизни Валингтора. Она пахла озоном после грозы, железом и диким медом.

Жидкость ударила в дно Купели Творения. Земля застыла, принимая этот дар. Вместо того чтобы просто растечься, магма-ихор начала повиноваться воле Гуле. Мать-Земля погрузила ладони в кипящую лужу, и жидкость вскипела еще яростнее, но не причинила ей вреда.

1. Каркас (Дар Гуле): Извиваясь подобно живым змеям, потоки ихора поднимались вверх, следуя за движениями рук Гуле. Она формировала основу. Сначала возник позвоночник — толстая жила из переплетенных волокон опала и меди, гибкая, как лоза, но способная выдержать падение скалы. Затем выросли ребра — не плоские костяные пластины, а изящная спиральная конструкция из пористого коралла, которая должна была сжиматься и расширяться, позволяя существу дышать воздухом, а не фильтровать магму. Гуле

трудилась с закрытыми глазами, вспоминая анатомию древних левиафанов своего океана, но отсекая все лишнее, делая форму более гуманоидной, грациозной. Она создала длинные трубчатые кости конечностей, заполнив их внутри не мозгом, а медленно пульсирующим золотистым мхом, который будет генерировать тепло вместо крови.

2. Мышцы и органы (Симбиоз): Когда скелет поднялся во весь свой будущий рост — около пяти человеческих саженей — настал черед мягких тканей. Гуле зачерпнула горсть местной почвы, пропитанной спорами своих кристаллических садов, и смешала ее с кипящим ихором. Масса потемнела, приобретая оттенок теплой человеческой кожи. Гуле лепила мышцы слой за слоем. В отличие от монолитных мускулов каменных великанов, эти были эластичными, пронизанными сетью голубых вен, наполненных жидким кислородом. Сердце она поместила слева, создав его из четырех камер редкого камня турмалина, способного проводить электрические импульсы. Легкие она наполнила тысячами крошечных полых сфер из застывшей пены горячего источника — они могли впитывать холодный северный воздух и согревать его до температуры парного молока прежде, чем тот коснется плоти.

3. Нервная система (Воля Сивы): Пока Гуле занималась физическим телом, Сива спустилась к краю бурлящей массы. Архитектор отложила планшет. Теперь инструментом служил ее разум. Она приложила обе ладони к основанию

черепа создания, которое пока представляло собой лишь гладкую яйцевидную форму из розового кварца.

Сива закрыла глаза и начала ткать невидимую паутину. Если Гуле давала телу возможность 'быть', то Сива давала ему возможность 'осознавать'.

Миллиарды тончайших нитей из уплотненного лунного света и статического электричества потянулись от пальцев Сивы внутрь черепа. Она создавала нейронные связи.

— Здесь... — шептала Сива, направляя импульс. — Будет страх высоты. Он убережет их от падения с наших северных скал. А здесь... пусть родится тяга к музыке ветра. Чтобы они никогда не чувствовали себя одинокими в пустошах.

Она сплела центры эмпатии так плотно, что любое причинение боли другому должно было отзываться фантомным уколом в собственном сердце. Она вложила в них инстинкт строителя, но ограничила его жадой созидания без разрушения. Каждое семечко памяти, посаженное Сивой, было обернуто в оболочку безусловной любви к этому новому северу.

4. Рождение: Часы или минуты спустя — время потеряло смысл — тело лежало в купели. Оно было безупречно. Ростом оно уступало своим каменным прародителям, но превосходило любого человека. Его кожа имела теплый оливковый оттенок, напоминающий древесину кедра, а под ней перекатывались мышцы, похожие на играющих под поверхностью лососей. На теле не было ни единого волоска — эволю-

ционная адаптация к влажному климату теплых долин, созданная Гуле.

Тело оставалось неподвижным. Гуле тяжело дышала, ее собственные каменные плечи покрылись сетью глубоких трещин от истощения — отдать часть «магмы души» означало ослабить саму себя.

— Почему он не встает? — пророкотала Мать-Земля, глядя на свое совершенное, но безжизненное дитя. В ее голосе прозвучала паника, которой не знало создание континентов.

— Ему нужен первый вздох, — ответила Сива. Ее лоб покрылся бисеринками пота — плетение разума забрало столько же сил, сколько формирование плоти. — И имя. Имя всегда идет первым.

Гуле кивнула. Она собрала остатки воли и прижала свою огромную, горячую ладонь к груди существа, прямо поверх турмалинового сердца.

Она выдохнула. Но это был не порыв пламени. Это был густой, ароматный туман — концентрированная жизненная сила всех лесов Валингтора, собранная богиней за тысячи лет. Зеленовато-золотистое облако окутало фигуру в купели.

Сердце из турмалина вспыхнуло ярко-алым светом.

Раздался хриплый, булькающий вдох. Существо содрогнулось. Вода и слизь рождения стекали с его плеч. Оно подняло руку и посмотрело на свои пальцы — настоящие, пятипалые, с мягкой кожей и ногтями из перламутрового хитина. Пальцы сжались в кулак, ощущая сопротивление воздуха.

Затем открылись глаза. Они не сияли расплавленным золотом, как у Ропра, и не были темными колодцами обсидиана. Зрачки новорожденного были глубокого янтарного цвета, в котором отражались оба создателя.

Он попытался встать, поскользнулся на влажной глине, но Гуле успела подставить руку, поддерживая его спину. Великан из плоти оперся о плечо Матери-Земли, дрожа всем телом — не от холода, а от переизбытка ощущений. Он чувствовал щекочущее прикосновение травы, тяжесть собственного веса и стук крови в висках.

— Как... горячо, — просипел он. Голос был подобен шелесту сухих листьев, совершенно лишенный каменного грома.

Сива подошла вплотную. Впервые за вечность она смотрела на кого-то сверху вниз, кто не стоял перед ней на коленях. Она положила прохладную мраморную ладонь на горячий лоб дитя.

— Ты есть, — тихо сказала она. — Мы долго искали форму для этого мира. А ты — форма, нашедшая нас.

Она отступила на шаг, давая Гуле возможность склониться к уху сына.

— Я даю тебе имя, первое из новой крови, — торжественно и мягко прогудела Мать-Земра. — Ты — Эван. Что означает «Первый, рожденный дыханием». Эван из рода Северных Великанов.

Великан по имени Эван посмотрел на свои создатели снизу вверх. В его янтарных глазах стояли слезы — первая соленая вода, которую когда-либо видел этот континент. Он упал на одно колено, припадая лицом к руке Гуле, и зарыдал — громко, некрасиво, сотрясаясь всем своим новым, хрупким телом.

Это был звук живой, настоящей слабости. Звук, которого мир Валингтора не слышал со дня сотворения звезд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.